

Раздел VI
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
В СВЕТЕ КОГНИТИВИСТИКИ

Корнейко Е. А., Новикова Т. Ф.

ТОПОКОНЦЕПТЫ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ КАК ЕДИНИЦЫ
РЕГИОЛЕКТА И ИХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

helen.korneiko@yandex.ru; TNovikova@bsu.edu.ru

В современной лингвистике всё более отчетливо проявляется интерес к функционированию языка в различных социокультурных условиях и, в частности, к вопросам регионального варьирования русского языка. Термины «региональный язык», «язык региона», «региолект» предполагают определённую функционирующую лингвистическую структуру; и действительно, есть все основания говорить о региональных говорах (региолектах) как о «самостоятельных лингвистических единствах» (Бородина, 1982: 29-30). Выделение региолектов постулирует факт наличия особых языковых состояний, которые являются наиболее распространенной, а иногда единственной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории.

Понятие региолекта активно использует в своих работах А. С. Герд. «Региолекты – ареал ряда смежных диалектов, включая города и поселки городского типа и, тем самым, весьма значительные группы того или иного этноса» (Герд, 1995: 13). Региолект, по определению А. С. Герда, «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса стандартного литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием» (Там же).

«Язык региона», «региональный язык», «региолект» – в терминологическом обозначении данного языкового явления традиции пока не сложилось, но безусловно, что это понятие «неоднородное»: здесь присутствуют нормированный литературный язык, говоры и диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны и социолекты, городское и сельское просторечие, явления смешения и контаминации родственных или контактирующих языков и др. Одни составляющие языка региона изучены и описаны лучше (литературный язык, диалекты и жаргоны), другие – гораздо в меньшей степени (социолекты, городское просторечие, микротопонимика). В наименьшей степени изучено (если не сказать больше – вообще не изучено) такое явление, как особые, специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения – регионимы и регионализмы...» (Новикова, 2010: 7). Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова, занимающиеся составлением глоссария пермских локализмов, называют в качестве актуальной для словаря региона лексику трёх сфер: диалектные элементы, характерные для местной речи; городские по происхождению элементы – урбанизмы; единицы, которые квалифицируются словарями современного языка как просторечные или устаревшие литературные, но имеют подчеркнуто широкое использование в речи жителей данного региона, в отличие от других областей (Ерофеева, 1985: 6-7). Думается, названные здесь и выше лексические единицы могут быть в перспективе объединены в комплексном «Словаре региона». Вполне очевидно, что значительное место в подобном словаре будут составлять топонимы и оттопонимические образования.

Топонимия – часть культурной среды народа, запечатлевшая его миропонимание и «мироконструирование»; топонимы – неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры: в них, как в зеркале, отражается история заселения и освоения данной территории. Поэтому эта часть лексики издавна привлекает внимание филологов, историков, этнографов, географов. Для филолога важно, что именно топонимы вбирают в себя наиболее существенные пласты лексики, отражающей материальные и духовные понятия народа, в т.ч. – населения определённого региона.

Топонимический материал представляет безусловный интерес для изучения языка регионов. Впервые научный анализ топонимии Белгородчины был дан в работе И. И. Жиленковой (Жиленкова, 2001), в которой автором была представлена классифи-

кация ойконимов по семантике образующих основ и по способам их образования. Не утратившие по сей день своей актуальности наблюдения по белгородской топонимике имеются также в работах И. Г. Добродомова, В. А. Прохорова, Б. И. Осыкова, В. П. Кичигина, А. И. Крупенкова и других исследователей.

Мы предполагаем в данной статье обратиться к рассмотрению топонимических единиц, достаточно редко становящихся объектом внимания лингвистов и краеведов. Среди этих «обойденных вниманием» топонимов назовём такие группы: а) особо значимые для региона топонимы, так называемые **топоконцепты**: *Белгород, Прохоровка, Старый Оскол* и др.; б) **топонимические перифразы**: *город Первого салюта, Белый город* (Белгород), *Город горняков* (Старый Оскол, Губкин), *Город химиков* (Шебекино) и др. По нашему мнению, данные языковые объединения, находящиеся на периферии научного поиска, представляют определённый интерес для исследователей в области лингвистической когнитивистики и фразеологии, к тому же располагают не вполне востребованным в практике преподавания дидактическим потенциалом.

К сожалению, в научной литературе пока нет точного определения термина «топоконцепт», поэтому мы сошлёмся на понимание Л. М. Дмитриевой топонимического концепта как «ментального образования, аккумулирующего знание субъекта о пространственном измерении, пучок смыслов, отражение ценностной ориентации субъекта» (Дмитриева, 2002: 68). В качестве главной характеристической черты топоконцепта мы видим его способность ярко отражать культурно-ценностные представления (общие для всего народа или населения определённого региона) о конкретном географическом объекте, способность вызывать мгновенные ассоциации при упоминании данных топонимических номинаций. Согласимся, что вполне определённые устойчивые представления возникают в нашем сознании, когда мы слышим (видим, читаем) названия *Москва, Одесса, Санкт-Петербург, Севастополь*. Это не просто названия городов, за этими названиями – наша история, литературная традиция; эти номинации, имея давнюю лингвокультурную традицию, достаточно определённо декодируются всеми носителями языка. Очевидно, подобные «больше, чем названия» и могут быть квалифицированы как топоконцепты.

Белгород, Старый Оскол, Северский Донец. У жителей Центрального Черноземья эти номинации тоже вызывают свой спектр представлений. Созданные на их основе топонимические номинации являются своеобразными «культурными маркерами» нашего края.

Особо следует сказать о топониме *Белгород*, который, по нашему мнению, может быть в первую очередь отнесен к топоконцептам. Основным средством языковой объективации топоконцепта «Белгород» выступает как сам топоним, так и прецедентные имена, большая часть которых является микротопонимами и эргонимами, находящимися в гипонимических отношениях с основным топонимом: аэропорт «*Белгород*», универмаг «*Белгород*», гостиница «*Белгород*», *Белгородский университет, Белгородский академический драматический театр им. М. С. Щепкина, Белгородский проспект* и др.

Как известно, одной из особенностей белгородской топонимии является широкое функционирование корня **-бел-**: он встречается в более чем десяти названиях населенных пунктов Белгородской области. За длительный период существования слова корнем **-бел-** развили в русском языке ряд переносных значений, образовали обширное словообразовательное гнездо. Основное значение общерусского слова *белый* – имеющий цвет снега, молока, мела. Распространенность данного корня в топонимии Белгородской области обусловлена большими залежами мела, которые, в первую очередь, и дали название областному центру. Белгородский краевед Б. И. Осыков так объясняет происхождение названия города в популярном издании «Города Белогорья»:

– А почему наш город так называется – Белгород?

– Потому, ребята, что люди построили его на Белой горе, самой большой и самой высокой в округе (Осыков, 2008: 3)

Однако не всё так просто и однозначно в происхождении данного названия. В. П. Кичигин в статье «Гуманитарно-филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей» рассматривает и другие версии происхождения топонима (Кичигин, 2000). К моменту написания «Истории государства Российского» уже активно шёл спор о том, почему городу дано имя Белгород: оттого ли, что стоял он «на горе меловой» («белой»), или были тому другие причины? Историки чаще всего связывают название города с местом расположения – у меловой горы. Но почему тогда, если от Белой горы пошло название, город не стал называться Белогорск? По-

чему в имени города нет слова «гора»? К тому же в местных говорах мел зачастую назывался «глиной»... (Кичигин, 2000: 65-66).

Наиболее распространена версия В. А. Никонова о том, что Белгород получил название по белому цвету зданий, побеленных мелом (Никонов, 1966: 34).

Однако слово *белый* на Руси всегда имело особый смысл и связывалось не только с обозначением цвета, что подтверждается исторически: Русское государство территориально делилось на Великую, Малую и Белую Русь. В славянской мифологии Белбог – бог света, жизни, противостоящий Чернобогу – богу тьмы, мрака, смерти, холода. Лексема *белый* раньше имела ряд значений, ныне современным языком утраченных: во-первых, свободный от податей, по-современному говоря, от налогов (город); во-вторых, полный, «дебелый» крупный, большой (человек); в-третьих, *белый* обозначал чистоту, невинность, святость (как в словосочетании «белый лебедь»). В фольклорном названии «Беловодье» *белый* обозначал благодатную землю, незамутненную воду, воплощённый символ плодородия и чистоты, «рай на земле».

Вобравшее два древних, глубоких по содержанию слова: *белый* и *город*, имя *Белгород* всегда несло и теперь несёт смысл света, чистоты, справедливости. Белгород XVI века встал на границе нового государства – Московской Руси, а затем России как граница светлого, «устроенного» мира. Он стал центром Засечной черты, прикрывшей Московскую Русь, а затем Россию от мира иного, не совпадающего в представлении предков с понятием «белый». Идея исторической светоносности города стала доминантной для города в XX веке. Город прибавил к своему имени ещё один признак света, огня, ярких красок – «город Первого салюта». Белгород стал городом-символом, символом, возвещающим о победе сил света над силами тьмы в годы Великой Отечественной войны.

К топонимам, которые также могут быть названы «сугубо белгородскими» и отнесены к топонимам, очевидно, следует отнести имя *Прохоровка*. Ойконим *Прохоровка* достаточно широко распространён в русской топонимике (например, село Прохоровка в Ростовской области и др.), однако когда говорят: «Там, под Прохоровкой...» или «Никогда не забыть нам Прохоровки...», все понимают, что речь идет о посёлке Прохоровка Белгородской области. Белгородская Прохоровка получила своё название по имени первого владельца – Прохора Ильинского. Под Прохоровкой 12 июля 1943 года произошло беспрецедентное в истории войн встречное танковое сражение, одно из величайших сражений Великой Отечественной войны. Посёлок Прохоровка до этого сражения был мало кому известен. Теперь о нём знают не только у нас в стране, но и за рубежом, а легендарное Прохоровское поле по праву поставлено историей в один ряд с полями Куликовым и Бородинским. Топоним «Прохоровка» мы относим к топонимам, поскольку это не только топоним, но и хроним, идеоним: в данном случае именем географического объекта называются значительные исторические события, произошедшие на данной территории.

Помимо того, что обращение к анализу топонимов актуально для лингвокогнитивистики, не менее важно обращение к подобным языковым примерам в лингводидактическом аспекте. Например, учитель, предложив для морфемного и словообразовательного анализа местные топонимы (*Белгород, Прохоровка, Холки* и др.), может попутно дать к данным именам краткий или развернутый лингвокультурный комментарий, формируя тем самым культуроведческую и регионоведческую компетенцию своих учеников. Еще в большей степени обладают развивающим культуроведческим потенциалом образные поэтические названия местных топонимов – топонимические перифразы. Стилистическое понятие «перифраза» изучается в настоящее время в 9-11 классах средней школы, поэтому введение в лексикон старшеклассников термина «топонимическая перифраза» не вызовет затруднений.

Перифразы «репрезентируют целое по его когнитивным компонентам», «подчеркивают какие-либо его признаки», «обладают образностью, иносказательностью» (Гукова, Фомина, 2004: 258); топонимические перифразы закрепляют в виде устойчивых номинаций стереотипное осмысление концептов, вербализованных топонимами: Воронеж называют *столицей Черноземья, колыбелью русского флота*, Санкт-Петербург – *культурной столицей России*, Иваново – *Городом невест*, Урюпинск – *столицей пуховых платков, столицей русской провинции* и др. Подобные номинации Белгорода, построенные по стандартным структурным моделям, следующие: *город Первого салюта* (5 августа 1943 года в Москве был дан первый салют Великой Отечественной войны – в честь освобождения Белгорода и Орла), *Белый город, Город воинской славы* (звание, присвоенное

городу за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками этих городов в борьбе за свободу и независимость Отечества, указом президента от 27.04. 2007 г.), *столица Святого Белогорья* (используется в СМИ) и др. Данные перифрастические наименования прочно вошли в употребление: например, в неофициальном гимне города он называется *Белый город* («*Белый, белый, белый, белый город...*»), в текстах белгородских поэтов часто используются наименования Белгорода, которые мотивируют внутреннюю форму данного онима: *Что за белым тем холмом? / Горы меловые, / Или Белый город – дом, / Или клад России?* (И. Чернухин).

Отголоски перифрастических номинаций города звучат в названиях белгородских эргонимов: стадион «*Салют*», ресторан «*Белый город*» и др., обыгрываются в рекламе: на остановочном комплексе на ул. Мичурина можно прочитать: «*Лучшие салюты для города Первого салюта!*»

Некоторые топонимические перифразы могут одновременно относиться к разным населенным пунктам: например, *Городом горняков* на Белгородчине называют и Губкин, и Старый Оскол. Это объясняется сходством их экономической деятельности: в Губкине расположен Лебединский горно-обогатительный комбинат, комбинат «*КМАруда*», в Старом Осколе – Стойленский горно-обогатительный комбинат; предприятия обоих городов входят в число крупнейших в мире предприятий по добыче железной руды

Одна из важнейших функций перифразы является возможность не только называть предметы или явления, но и описывать их. Топонимические перифразы в полной мере реализуют эту возможность, концентрированно передавая сущность называемого объекта, основываясь, например, на его географическом положении (*Алексеевка – город на Тихой Сосне*), участии в исторически значимых событиях (*Белгород – город Первого салюта*), ведущей экономической деятельности (*Старый Оскол – Город горняков*, *Шебекино – Город химиков*), природных и географических особенностях (*Ракитное – Зеленая столица Белогорья*, *Короча – второй Крым*) и др.

Список топонимических перифраз постоянно пополняется. Появились новые перифрастические наименования Белгорода: *Мясомолочная столица России* – в связи с достижениями в области АПК; *Столица волейбола* – в связи с тем, что 4 игрока волейбольной команды «*Локомотив-Белогорье*» стали чемпионами в составе сборной России на XXX летних Олимпийских играх в Лондоне и др.

Обращение в работе с учащимися к топонимическим перифразам позволяет развивать не только их языковедческую и культуроведческую компетенцию, но и совершенствовать ортологические умения, в частности, умение правильно оформлять собственные наименования. Разнобой в современном употреблении прописной и строчной букв стал уже притчей во языцех. Определяя орфографический облик топонимических перифраз, следует руководствоваться правилом, что в неофициальных устойчивых, в т. ч. образных названиях государств и городов, с прописной буквы пишется первое или ключевое слово, а также (если они есть) собственные имена, например: Страна восходящего солнца (о Японии), Поднебесная империя или Поднебесная (об императорском Китае), Страна тюльпанов (о Голландии), Вечный город (о Риме) и др. (См. Правила..., 2006: 361). К сожалению, этой информацией зачастую не в полной мере владеют и сами преподаватели. Поэтому обращение в практике преподавания родного языка к подобному неординарному языковому материалу актуально как в лингвокультурном, так и в лингвопрагматическом аспекте.

Литература

Бородина, М. А. Диалекты или региональные языки? / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1982. – № 5. – С. 29-38.

Герд, А. С. Введение в этнолингвистику: учеб. пособие / А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. – 92 с.

Гукова, Л. Н., Фомина, Л. Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина. Словарь // Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина: пособие для учителя. – Одесса: Дом, 2004. – 192 с.

Дмитриева, Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимики Алтая) / Л. М. Дмитриева: монография. – Барнаул, 2002. – 254 с.

Ерофеева, Т. И. Проект словаря локальных элементов, бытующих в литературной речи Пермской области / Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь: Изд. Пермского ун-та, 1985. – С. 5-10.

Жиленкова, И. И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области) / И. И. Жиленкова: Учебное пособие к спецкурсу. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – 112 с.

Кичигин, В. П. Гуманитарно-филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей / В. П. Кичигин // Белогорье. Краеведческий альманах. №2. – Белгород: Изд. БелГУ, 2000. – С.65-66.

Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М.: Энциклопедия, 1966. – 509 с.

Новикова, Т. Ф. Лингворегионоведение: ч.1. / Т. Ф. Новикова: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.

Осыков, Б. И. Города Белогорья / Осыков Б. И.: краеведческие очерки, историческая хроника, стихи о городах Белгородской области. – Белгород: КОНСТАНТА, 2008. – 84 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.

Summary. The paper attempts to review and describe topokontsepts and toponymic periphrasis of the Belgorod region in terms for inclusion in the regional dictionary and use in teaching of Russian language.

Озерова Е. Г., Шевелева М. Ю.
ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ozerova@bsu.edu.ru
mayya91@mail.ru

Фразеологизмы старославянского языка служат важнейшим средством репрезентации тех духовных концептов, которые проецируют когнитивно-прагматическую сущность художественного текста. Однако их роль в формировании ценностно-смыслового пространства русской прозы все еще остается на периферии лингвистического поиска. Национально-культурная специфика фразеологизмов старославянского языка обуславливается тем, что их функционирование предопределяется специфической народной философией жизнесмыслов, которая служит своего рода камертоном православного мировосприятия, порождающим особый стиль художественного мышления. В связи с этим, объектом нашего исследования являются фразеологизмы старославянского языка и работа над ними в школе. Предмет исследования – употребление фразеологизмов старославянского языка в художественных текстах школьной программы. Материалом исследования является проза В.Н. Крупина, так как его произведения а) легко читаются и понимаются школьниками, б) вызывают интерес в связи с современностью и близостью писателя к читателю, в) включают в себя большой свод фразеологизмов старославянского языка, в основном библейских.

Отметим, что работа над фразеологизмами в школе предполагает изучение их исходного и вариативного, обусловленного контекстом значения, таким образом, историко-этимологический анализ является бинарным и направлен: 1) на выяснение истории и этимологии фразеологизма, 2) на выяснение современного значения фразеологизма и правильного использования его в речи. Большинство устойчивых словесных комплексов и идиом старославянского языка, употребляемых в текстах В.Н. Крупина, имеют ветхозаветные корни и являются фразеологизмами библейского происхождения. Согласно классификации Я.С. Зайцевой, можно выделить три типа фразеологизмов:

1. «Выражения, отличающиеся уже в Библии целостностью значения, экспрессивной выразительностью и практически сформировавшиеся в качестве фразеологических единиц» (Зайцева, 2010: 20). «...людей же поминаешь. Чего это такое: такой-то и **иже с ним**. Чего это за имя – «**иже с ним**»? У тебя-то небось имя полное – отец Михаил, и они, грешные, не «иже с ним». Ничего себе имечко. Вот тебя бы так обозвали. Мученики не скопом за Христа мучились, каждый отдельно за Господа страдал» (Крупин В.Н. «Марусины платки»). Во фразеологическом словаре старославянского языка дается следующая дефиниция:

(И) иже (бѣахъ) съ нимъ, съ ними